

петало отъ радости, услышавъ неожиданно звукъ родного языка; я бросился обнимать его, какъ родного брата. Орловъ рассказаль мнѣ безпокойство на мой счетъ моихъ братьевъ и главнокомандующаго, ибо никто въ арміи нашей не зналъ, живъ ли я еще и что со мною случилось. Предавшись полной радости и считая, что никто не будетъ понимать насъ, если будемъ говорить по-русски, я сталъ было ему рассказывать разныя обстоятельства, касавшіяся до военныхъ нашихъ дѣйствій, но вдругъ отворилась дверь, и изъ-за оной показалась голова. Это былъ польскій офицеръ, проведеншій ко мнѣ Орлова, который напомнилъ ему, что на сей разъ болѣе онъ оставаться у меня не можетъ, и я долженъ былъ съ нимъ разстаться. При прощаніи нашемъ Орловъ общалъ мнѣ, получа депеши, прити еще разъ проститься со мною; но, какъ я послѣ узналъ, сдѣлать ему сего не позволили, и я уже болѣе не видалъ его.

На пятый или шестой день послѣ несчастнаго со мною происшествія вошелъ ко мнѣ молодой человекъ во французскомъ полковничьемъ мундирѣ и объявилъ мнѣ, что онъ присланъ ко мнѣ отъ императора Наполеона узнать, позволить ли мнѣ здоровье мое быть у него, и если я сдѣлать сіе уже въ силахъ, то онъ назначить мнѣ на то время. Я отвѣчалъ, что хотя я еще и очень слабъ, но, однакоже, силы мои позволяютъ мнѣ быть къ нему представленнымъ, когда ему угодно будетъ. На другой день поутру, часу въ 10-мъ, тотъ же адъютантъ императора французовъ, какъ сказали мнѣ, г. Флаго, вошедъ ко мнѣ, просилъ меня, чтобъ я съ нимъ шелъ къ императору.

Наполеонъ занималъ домъ бывшій смоленскаго военнаго губернатора, находившійся въ недалекомъ разстояніи отъ дома, въ коемъ жилъ маршалъ Бертъе, начальникъ главнаго его штаба, и который прежде занимался нашимъ начальникомъ артиллеріи. Предъ домомъ императора толпилось множество солдатъ и офицеровъ, а при входѣ, по обѣимъ сторонамъ онаго, стояли кавалерійскіе часовые верхами. Лѣстница и переднія комнаты наполнены были генералами и разными военными чиновниками. Мы, пройдя мимо ихъ, вошли въ комнату, гдѣ уже не было никого; у дверей, ведущихъ далѣе изъ оной, стоялъ лакей въ придворной ливрѣ, который, при появленіи нашемъ, отворилъ дверь и впустилъ меня одного въ ту комнату, гдѣ былъ самъ императоръ Наполеонъ съ начальникомъ своего штаба. У окна комнаты, на столѣ, лежала развернутая карта Россіи. Я, взглянувъ на оную, увидѣлъ, что всѣ движенія нашихъ войскъ означены были на оной воткнутыми булавочками съ зелеными головками, французскихъ же—съ синими и другихъ цвѣтовъ, какъ видно, означавшихъ движеніе разныхъ корпусовъ французской арміи. Въ углу близъ окна стоялъ маршалъ Бертъе, а посреди комнаты императоръ Наполеонъ. Я войдя поклонился ему, на что и онъ отвѣчалъ мнѣ также очень вѣжливымъ поклономъ. Первое слово его было: «Котораго вы были корпуса?»—Второго,—отвѣчалъ я. «А, это корпусъ генерала Багговута!»—Точно такъ.—«Родня ли вамъ генералъ Тучковъ, командующій первымъ корпусомъ?»—Родной братъ мой.—«Я не стану спрашивать,—сказалъ онъ мнѣ,—о числѣ вашей арміи, а скажу вамъ, что она состоитъ изъ восьми корпусовъ, каждый корпусъ—изъ двухъ дивизій, каждая дивизія—изъ шести пѣхотныхъ полковъ, каждый полкъ—изъ двухъ баталіоновъ; если угодно, то могу сказать даже число людей

въ каждой ротѣ». Я, поклонясь ему и усмѣхнувшись нѣсколько, сказалъ: «Вижу, что Ваше величество очень хорошо обо всемъ увѣдомлены». — «Это не мудрено, — отвѣчалъ онъ мнѣ съ нѣкоторою скоростію: — всякій почти день, съ самаго отступленія ва-

Наполеонъ I.

шего отъ границъ, мы беремъ плѣнныхъ, и нѣтъ почти ни одного изъ вашихъ полковъ, изъ котораго бы ихъ у насъ не было; ихъ спрашиваютъ о числѣ полковъ и ротъ, въ которыхъ они находились; отвѣты ихъ кладутъ на бумагу, и такимъ

образомъ составляется свѣдѣніе, о коемъ я вамъ теперь сказалъ». Помолчавъ нѣсколько, оборотясь ко мнѣ, онъ началъ: «Это вы, господа, хотѣли этой войны, а не я. Знаю, что у васъ говорятъ, что я — зачинщикъ оной, но это неправда; я вамъ докажу, что я не хотѣлъ имѣть войны, но вы меня къ оной принудили». Тутъ онъ началъ мнѣ рассказывать все поведеніе свое съ нами съ самаго Тильзитскаго мира, что на ономъ ему было обѣщано, какъ мы нашихъ обѣщаній не выполнили, какія министръ его подавалъ правительству нашему ноты, и что не только на оныя никакого отвѣта ему не давали, но даже, наконецъ (чего нигдѣ и никогда не слыхано), посланника его не допустили къ государю для личнаго объясненія; потомъ стали сосредоточивать войска въ Польшѣ, дивизію привели туда изъ новой Финляндіи и двѣ изъ Молдавіи, подвергаясь даже опасности ослабить тѣмъ военныя дѣйствія наши противъ турокъ. «Противъ кого же все эти приготовленія были, какъ не противъ меня? — сказалъ онъ. — Что жъ, неужели мнѣ было дожидаться того, что вы, перейдя Вислу, дойдете до Одера? Мнѣ должно было васъ предупредить; но, и по прїѣздѣ моемъ къ арміи, я хотѣлъ еще объясниться безъ войны; на предложенія мои вдругъ мнѣ отвѣчаютъ, что со мною и переговоровъ никакихъ имѣть не хотятъ до тѣхъ поръ, покуда войска мои не перейдутъ обратно чрезъ Рейнъ. Что жъ, развѣ вы меня уже побѣдили? Съ чего взяли дѣлать отъ меня такія требованія?»

Я на весь сей весьма длинный его разговоръ не отвѣчалъ ни слова, а равно и принцъ невшательскій, къ коему онъ нѣсколько разъ обращался въ продолженіе онаго. Потомъ, обратясь опять ко мнѣ, онъ спросилъ меня: какъ я полагаю, дадимъ ли мы скоро генеральное сраженіе или будемъ все ретироваться? Я ему отвѣчалъ, что мнѣ неизвѣстно намѣреніе главнокомандующаго. Тутъ онъ началъ отзыватьсь объ немъ очень невыгодно, говоря, что нѣмецкая его тактика ни къ чему хорошему насъ не доведетъ, что Россіяне нація храбрая, благородная, усердная къ государю, которая создана драться благороднымъ образомъ, на чистоту, а не нѣмецкой глупой тактикѣ слѣдовать. «Да и къ чему хорошему она можетъ довести? Вы видѣли примѣръ Пруссіи (сказалъ онъ мнѣ): она съ тактикою своею кончилась въ три дня. Что за отступленіе? Почему жъ вы, вмѣсто того, если уже расположены были имѣть войну, не заняли Польши и далѣе, что вы легко могли сдѣлать, и тогда, вмѣсто войны въ границахъ вашихъ, вы бы перенесли ее въ непріятельскую землю. Да и пруссаки, которые теперь противъ васъ, тогда были бы съ вами. Почему же главнокомандующій вашъ ничего этого не умѣлъ сдѣлать, а теперь, отступая безпрестанно, опустошаетъ только свою собственную землю! Зачѣмъ оставилъ онъ Смоленскъ? Зачѣмъ довелъ этотъ прекрасный городъ до такого несчастнаго положенія? Если онъ хотѣлъ его защищать, то для чего же не защищалъ его далѣе? Онъ бы могъ его удерживать еще очень долго. Если же онъ намѣренія этого не имѣлъ, то зачѣмъ же останавливался и дрался въ немъ: развѣ только для того, чтобъ разорить городъ до основанія? За это бы его во всякомъ другомъ государствѣ разстрѣляли. Да и зачѣмъ было разорять Смоленскъ, такой прекрасный городъ? Онъ для меня лучше всей Польши; онъ былъ всегда русскимъ и останется русскимъ. Императора вашего я люблю, онъ мнѣ другъ, несмотря

на войну. Война ничего не значить. Государственныя выгоды часто могутъ раздѣлять и родныхъ братьевъ. Александръ былъ мнѣ другомъ и будетъ». Потомъ, помолчавъ нѣсколько, какъ будто думая о чемъ-то, оборотясь ко мнѣ, сказалъ: «Со всѣмъ тѣмъ, что я его очень люблю, понять, однакоже, никакъ не могу, какое у него странное пристрастіе къ иностранцамъ; что за страсть окружать себя подобными людьми, каковы, напримѣръ, Фуль, Армфельдтъ и т. п., людьми безъ всякой нравственности, признанными во всей Европѣ за самыхъ послѣднихъ людей всѣхъ націй? Какъ, неужели бы онъ не могъ изъ столь храброй, приверженной къ государю своему нации, какова ваша, выбрать людей достойныхъ, кои, окруживъ его, доставили бы честь и уваженіе престолу?»

Мнѣ весьма странно показалось сіе разсужденіе Наполеона, а потому, поклонясь, сказалъ я ему: «Ваше Величество, я подданный моего государя, и судить о поступкахъ его, а еще менѣе осуждать поведеніе его никогда не осмѣливаюсь; я солдатъ и, кромѣ слѣпотаго повиновенія власти, ничего другого не знаю». Слова сіи, какъ я могъ замѣтить, не только его не разсердили, но даже, какъ бы съ нѣкоторою ласкою, онъ, дотронувшись слегка рукою до плеча моего, сказалъ: «О, вы совершенно правы! Я очень далекъ отъ того, чтобъ порицать вашъ образъ мыслей; но я сказалъ только мое мнѣніе, и то потому, что мы теперь съ глазу на глазъ, и это далѣе не поидеть. Императоръ вашъ знаетъ ли васъ лично?» — Надѣюсь, — отвѣчалъ я, — ибо нѣкогда имѣлъ счастье служить въ гвардіи его. — «Можете ли вы писать къ нему?» — Никакъ нѣтъ, ибо я никогда не осмѣлюсь утруждать его моими письмами, а особливо въ теперешнемъ моемъ положеніи. — «Но если вы не смѣете писать къ императору, то можете написать къ брату вашему, что я вамъ теперь скажу». — Къ брату, дѣло другое: я къ нему все могу писать. — «Итакъ, вы мнѣ сдѣлаете удовольствіе, если вы напишете брату вашему, что вотъ вы теперь видѣли меня и что я препоручилъ вамъ написать къ нему, что онъ мнѣ сдѣлаетъ большое удовольствіе, если самъ, или чрезъ великаго князя, или главнокомандующаго, какъ ему лучше покажется, доведетъ до свѣдѣнія государя, что я ничего болѣе не желаю, какъ прекратить миромъ военныя наши дѣйствія. Мы уже довольно сожгли пороху, и довольно пролито крови, и что когда же нибудь надобно кончить. За что мы деремся? Я противъ Россіи ничего не имѣю. О, еслибъ это были англичане (*parlez-moi de cela!*)!.. Это было бы другое дѣло». При сихъ словахъ, сжавши кулакъ, онъ поднялъ его вверхъ. «Но русскіе мнѣ ничего не сдѣлали. Вы хотите имѣть кофе и сахаръ; ну, очень хорошо, и это все можно будетъ устроить, такъ что вы и это имѣть будете. Но если у васъ думаютъ, что меня легко разбить, то я предлагаю: пусть изъ генераловъ вашихъ, которые болѣе другихъ имѣютъ у васъ уваженіе, какъ-то: Багратионъ, Дохтуровъ, Остерманъ, братъ вашъ и прочіе (я не говорю о Барклаѣ: онъ и не стоитъ того, чтобъ объ немъ говорили); пусть изъ нихъ составятъ военный совѣтъ и разсмотрятъ положеніе и силы мои и ваши, и если найдутъ, что на сторонѣ вашей болѣе шансовъ¹⁾ къ выигрышу и что можно легко меня

¹⁾ Въ продолженіе разговора Наполеонъ нѣсколько разъ повторялъ слово шансъ (*chance*), какъ-то: *les chances de la guerre* и проч., по произношенію коего, и

разбить, то пускай назначать, гдѣ и когда имъ угодно будетъ драться. Я на все готовъ. Если же они найдутъ, напротивъ того, что всѣ шансы въ выгоду мою, такъ, какъ сіе и дѣйствительно есть, то зачѣмъ же намъ попустому еще болѣе проливать кровь? Не лучше ли трактовать о мирѣ, прежде потери баталіи, чѣмъ послѣ? Да и какія послѣдствія будутъ, если сраженіе вами проиграно будетъ? Послѣдствія тѣ, что я займу Москву, и какія бъ я мѣры ни принималъ къ сбереженію ея отъ разоренія, никакихъ достаточно не будетъ: завоеванная провинція или занятая непріятелемъ столица похожа на дѣву, потерявшую честь свою. Что хочешь послѣ дѣлай, но чести возвратитъ уже невозможно. Я знаю, у васъ говорятъ, что Россія еще не въ Москвѣ; но это же самое говорили и австрійцы, когда я шелъ въ Вѣну, но когда я занялъ столицу, то совсѣмъ другое заговорили; и съ вами то же случится. Столица ваша Москва, а не Петербургъ; Петербургъ не что иное, какъ резиденція, настоящая же столица Россіи — Москва». Я все сіе слушалъ въ молчаніи; онъ же, говоря безпрестанно, ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Наконецъ, подошелъ ко мнѣ и, смотря на меня пристально, сказалъ мнѣ: «Вы лифляндецъ?»—Нѣтъ, я настоящій россиянинъ.—«Изъ какой же вы провинціи Россіи?»—Изъ окрестностей Москвы,—отвѣчалъ я. «А, вы изъ Москвы!—сказалъ онъ мнѣ какимъ-то особеннымъ тономъ:—вы изъ Москвы! Это вы то, господа московскіе жители, хотите вести войну со мною?»—Не думаю,—сказалъ я,—чтобъ московскіе жители особенно хотѣли имѣть войну съ вами, а особливо у себя въ землѣ; но если они дѣлаютъ большія пожертвованія, то это для защиты отечества и угождая тѣмъ волѣ государя своего.—«Меня, право, увѣряли, что этой войны хотятъ московскіе господа, но какъ вы думаете, еслибъ государь вашъ захотѣлъ сдѣлать миръ со мною, можетъ ли онъ сіе сдѣлать?»—Кто жъ оное можетъ ему воспрепятствовать?»—отвѣчалъ я. «А Сенатъ, напримѣръ?»—Сенатъ у насъ никакой другой власти не имѣетъ, какъ только ту, которую угодно государю ему предоставить.

Потомъ началъ онъ разспрашивать меня, сколько я служилъ кампаніи противъ непріятели и гдѣ. Про позицію, на которой мы дрались: видѣлъ ли я, и въ которомъ часу войска корпуса генерала Жюно въ лѣвой сторонѣ отъ насъ, и, наконецъ, который пунктъ, я полагаю, былъ слабѣйшій позиціи нашей. Я, отвѣчая на всѣ его вопросы, на послѣдній сказалъ, что я болѣе всего боялся за правый флангъ нашъ, ибо лѣвый былъ прикрытъ почти непроходимымъ болотомъ; но правый ничѣмъ прикрытъ не былъ, кромѣ небольшой рѣчки, которую можно было вездѣ перейти. «Что жъ вы дѣлали,—спросилъ онъ меня,—въ обезпеченіе ваше?» — Посылалъ въ ту сторону безпрестанные развѣзды, и такъ какъ оныя возвращаясь доносили мнѣ, что непріятели въ той сторонѣ видно не было, то я и оставался покоенъ.—«Куда вы ходили изъ-подъ Смоленска со всею вашею арміею,—спросилъ онъ,—и зачѣмъ?»—Къ Руднѣ и Касплѣ,—сказалъ я:—намѣреніе главнокомандующаго было атаковать васъ при этихъ пунктахъ.—На сіе онъ мнѣ ничего не отвѣчалъ. Возобно-

не бывъ французомъ, легко можно было видѣть итальянское его происхожденіе, ибо вмѣсто слова chance онъ выговаривалъ saпсе, какъ то обыкновенно дѣлаютъ итальянцы.

вя потомъ опять мнѣ желанія свои, чтобъ я написалъ брату все, что онъ мнѣ говорилъ, онъ прибавилъ, чтобъ я также написалъ въ письмѣ моемъ и то, что главнокомандующій нашъ весьма дурно дѣлаетъ, что при отступленіи своемъ забираетъ съ собою всѣ земскія власти и начальствующихъ въ губерніяхъ и уѣздахъ, ибо этимъ дѣлаетъ больше вреда землѣ, нежели ему;

Воскресеніе Наполеона (изъ книги: „Перенесеніе праха Наполеона“, Спб., 1841).

онъ же отъ этого ничего не терпитъ и никакой нужды въ нихъ не имѣетъ, и хотя его увѣряли, что онъ въ Россіи пропадетъ съ голоду, но онъ теперь видитъ, какое это вздорное было опасеніе; видитъ, что въ Россіи поля такъ же хорошо обработаны, какъ въ Германіи и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, и что мудрено бы было ему пропасть съ голоду въ такой землѣ, гдѣ всѣ поля покрыты хлѣбомъ; сверхъ этого, онъ имѣетъ еще съ собою подвижной хлѣбный магазинъ, изъ 10 тысячъ повозокъ состоящій,

который за нимъ слѣдуетъ и котораго будетъ всегда достаточно для обезпеченія продовольствія его арміи ¹⁾).

Продержавъ меня у себя около часу и откланиваясь, онъ совѣтовалъ мнѣ не огорчаться моимъ положеніемъ, ибо плѣнъ мой мнѣ безчестія дѣлать не можетъ. «Такимъ образомъ», какъ я былъ взятъ, сказалъ онъ, «берутъ только тѣхъ, которые бѣгутъ впереди, но не тѣхъ, которые остаются назади». Потомъ спросилъ меня, былъ ли я во Франціи. «Нѣтъ», отвѣчалъ я. Вопросъ сей онъ мнѣ сдѣлалъ такимъ тономъ, что я тотчасъ подумалъ, что намѣреніе его было туда меня отправить. И въ самомъ дѣлѣ, только что я вышелъ отъ него, принцъ невшательскій, выйдя почти вслѣдъ за мною, сказалъ, во-первыхъ, что императоръ приказалъ мнѣ возвратитъ шпагу, а, во-вторыхъ, что какъ я изъявилъ желаніе мое ѣхать въ Кенигсбергъ, то онъ не только позволяетъ мнѣ туда ѣхать, но и въ Берлинъ, и далѣе, и далѣе, до самой Франціи, прибавя къ сему: «если вы сего захотите».

По возвращеніи моемъ къ себѣ въ комнату, чрезъ два часа пришелъ ко мнѣ г. Ледюкъ съ объявленіемъ, что онъ присланъ отъ принца невшательскаго съ тѣмъ, что какъ императору угодно, чтобъ я ѣхалъ во Францію, то онъ полагаетъ, что взятыхъ мною у него 1.200 франковъ будетъ недостаточно для столь дальняго пути; да и, бывъ уже гораздо далѣе отъ Россіи, я не такъ скоро могу надѣяться получить что-либо оттуда, а потому и предлагаетъ мнѣ взять у него еще 4.800 франковъ и дать такую же расписку, какъ и въ первыхъ полученныхъ мною отъ него деньгахъ, что я и исполнилъ съ большою признательностію. Написавъ потомъ письмо брату и переведя оное на французскій языкъ, я пошелъ къ принцу невшательскому поблагодарить его за всѣ дѣлаемые мнѣ одолженія и, подавъ ему письмо къ брату моему съ переводомъ, сказалъ, что хотя императоръ Наполеонъ и приказывалъ мнѣ въ письмѣ моемъ написать его неудовольствіе насчетъ главнокомандующаго нашею арміею, но я считаю себя не въ правѣ дѣлать ему подобныя объявленія, а потому и въ письмѣ моемъ къ брату о семъ ничего не упоминаю, въ чемъ и принцъ совершенно согласился со мною.

Я не знаю, получилъ ли братъ письмо мое, ибо вскорѣ потомъ оба брата мои, бывшіе со мною въ одной арміи, кончили жизнь на поляхъ Бородинскихъ. Одинъ палъ на самомъ мѣстѣ сраженія, а другой скончался черезъ нѣсколько дней отъ полученныхъ имъ ранъ, въ городѣ Ярославлѣ. Я самъ, израненный и едва уцѣлѣвшій отъ смерти, долженъ былъ оставить Россію, ѣхать плѣннымъ въ непріятельскую землю. Четвертый братъ нашъ, бывшій въ то же время дежурнымъ генераломъ арміи, находившейся подъ командою адмирала Чичагова, хотя и оставался невредимъ отъ непріятеля, но не избѣжалъ клеветы и злобы собственныхъ враговъ своихъ, бывъ удаленъ отъ командованія войскою, болѣе десяти лѣтъ страдалъ безвинно подъ слѣдствіемъ, и когда уже всевозможное ухищреніе не могло ничего изыскать къ обвиненію его, то хотя и былъ опять опредѣленъ на службу

¹⁾ Между прочимъ разговоромъ императоръ Наполеонъ нѣсколько разъ выхвалялъ порядокъ отступленія арміи нашей, говоря, что, слѣдуя за нами отъ самыхъ границъ нашихъ, онъ не находилъ ни одного даже оставленнаго нами колеса, и даже слѣдовъ примѣтно не было отступающей арміи.

и продолжалъ оную до глубокой старости, но не могъ уже возвратить ни потеряннаго времени, ни разстроенаго здоровья претерпѣнными огорченіями.

Да позволено мнѣ будетъ здѣсь сказать въ удовлетвореніе семейнаго честолюбія и въ единственное воздаяніе за всѣ претерпѣнныя имъ горести и несчастія, что едва ли гдѣ отыщется въ военныхъ лѣтописяхъ подобный примѣръ, чтобъ четыре родныхъ брата, достигшіе уже до генеральскихъ чиновъ, пройдя безвредно всѣ почти дотолѣ бывшія въ Россіи войны, въ теченіе слишкомъ 25 лѣтъ, въ одно почти время кончили столь несчастливо военное ихъ поприще, оставя въ утѣшеніе роднымъ своимъ и ближнимъ только то, что они пали, защищая мужественно Отечество, Вѣру и Престолъ своего законнаго Государя.

Дневникъ анонимаго москвича.

Этотъ безхитростный дневникъ анонимаго московскаго обывателя былъ напечатанъ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1859 г. Онъ дышитъ глубокой и наивной искренностью, вводитъ во всѣ подробности жизни Москвы, захваченной французами, и во весь ростъ рисуетъ типичнаго русскаго обывателя, волею судебъ попавшаго въ самую гущу грандіозныхъ историческихъ событій.

Описаніе моего пребыванія въ Москвѣ во время французовъ, съ 1-го по 21 сентября 1812 года.

1-го сентября, по счастью моему, успѣлъ я отправить изъ Москвы жену мою и малолѣтнихъ дѣтей, назнача имъ пребываніе въ деревнѣ *Новой*, что по Троицкой дорогѣ, гдѣ бѣ они дожидались меня. Но ахъ! сего не случилось: судьба приуговляла мнѣ пить чашу горестей, я пораженъ былъ несчастьемъ, совсѣмъ неожиданнымъ.

2-го числа воспослѣдовала со мною величайшая перемѣна: желанія, намѣренія, кои я имѣлъ въ мысляхъ своихъ, остались тщетными и бесполезными. Я видѣлъ уже въ Москву входящихъ французовъ, отъ коихъ пришелъ въ безпамятство. Не зная, за что взяться и что убирать, копалъ яму для сундука съ величайшимъ напряженіемъ силъ моихъ; въ замѣпательствѣ и разстройствѣ мыслей укладывалъ въ него самое лучшее изъ имѣнія; наконецъ, вдругъ увидѣлъ входящаго въ домъ мой одного француза, который бѣгалъ, какъ бѣшеный, смотрѣлъ на ту и другую сторону и говорилъ мнѣ на своемъ французскомъ языкѣ; а какъ я не зналъ онаго, то дѣлалъ ему рукою знакъ, чтобы онъ вошелъ въ комнаты мои. Описывая горестное свое состояніе, долженъ упомянуть и о несчастныхъ женщинахъ, не имѣющихъ никакого пристанища, коихъ было семь человѣкъ: мать съ дочерью больною, умѣвшею говорить на французскомъ языкѣ, посредствомъ коея и отвѣтствовалъ я на вопросы оному французу. Упомянутый непріятель, войдя въ

комнаты мои, стремительно обѣгаль ихъ, удивлялся вопросамъ дѣвицы, говорившей ему по-французски, и, подумавъ нѣскольکو, отвѣчалъ ей, что онъ смотритъ, нѣтъ ли здѣсь солдатъ російскихъ и оружія; потомъ просилъ хлѣба. Я велѣлъ дать онаго и, сверхъ сего, еще полштофа сладкой водки, коей у меня только и было. Онъ, наливши рюмку, приказывалъ мнѣ напередъ выпить. Я, увидя его сомнѣвающагося, принялъ рюмку и пилъ; потомъ, по приказанію его, я подалъ ему масла коровьяго и еще мяса, и онъ столько ѣлъ жадно, что ничего поставленнаго мною не оставилъ. Во время сіе хвалилъ онъ своего императора и обнадеживалъ насъ, что съ нами ничего не будетъ: «домы ваши будутъ цѣлы и имѣнія ваши не будутъ разграблены; если же кто осмѣлится тронуть, то объявите офицеру, и грабители будутъ наказаны». Я хотѣлъ продолжать съ нимъ разговоръ чрезъ сію дѣвицу, но увидѣвъ, что она слаба, да и не понимаетъ смыслу французскаго языка, оставилъ ихъ и пошелъ въ другую половину комнаты, гдѣ бѣ дать волю течъ слезамъ моимъ. Съ колѣнопреклоненіемъ просилъ Бога о прощеніи нашихъ согрѣшеній; потомъ опять вошелъ къ нимъ и увидѣлъ, что онъ вышелъ вонъ, довольно укрѣпивши себя пищею.

Въ сіе-то время я началъ колебаться въ мысляхъ своихъ: если мнѣ бѣжать изъ Москвы, то мнѣ нанесутъ безпокойство бывшіе со мною. Говорилъ я родительницѣ своей, чтобъ она со мною ушла тайнымъ образомъ, но она отговаривалась отъ сего, представляя мнѣ ту причину, что никакой еще нѣтъ опасности; при крайности же можемъ уйти и въ слѣдующій день. Наступила ночь, въ которую я хотя и безпокоился, однако съ нами ничего не случилось. Часто выходилъ на дворъ, гдѣ слышалъ стоны въ сосѣднихъ домахъ, стоны, означающіе грабежъ. Въ третій день поутру пришелъ ко мнѣ мой родственникъ и говорилъ мнѣ, что французы вошли самымъ благовиднымъ образомъ, и что одинъ французскій офицеръ говорилъ съ нимъ ласково и потчевалъ арбузомъ, за который онъ заплатилъ столько, сколько потребовалъ лавочникъ. Поговоривши я съ симъ моимъ родственникомъ разстался, и послѣ него ничего не дѣлалъ и не убиралъ, а только ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ и былъ въ глубокой задумчивости. Въ половинѣ дня пошелъ я къ Арбатскимъ воротамъ увѣдомить онаго родственника и, пришедши въ домъ его, увидѣлъ, что у него шесть человекъ французовъ искали хлѣба, а у сосѣда его и другія прихоти исполнять хотѣли: кто что хотѣлъ, тотъ то и бралъ. Увидя непріятелей въ домѣ его, я пустился бѣжать въ домъ свой. Не прошло часа, какъ явились и ко мнѣ четыре француза, начали искать всего, копали и брали все то, что имъ надобно, именно: рубашки, платки, манишки. Сколько я имъ ни представлялъ бѣдность свою, но они, ни на что не взирая, брали все оное. За ними еще вслѣдъ другіе пять человекъ пришли и тоже грабили, изъ коихъ одинъ, будучи благосклоннѣе, вошелъ со мною въ разговоръ чрезъ оную дѣвицу, соболѣзновалъ объ участи моей, совѣтовалъ, чтобъ я убралъ оставшееся имущество, и научалъ, какъ спастись отъ грабительства непріятелей; потомъ, вынувъ онъ бутылку дреймадеры, съ нимъ бывшую, пилъ самъ, также просилъ меня неотступно выпить. Сколько я ни отговаривался, но принужденъ былъ пить, смѣшавъ со слезами моими. Многихъ приходившихъ сей французъ отводилъ отъ моего дому,

говоря, что онъ здѣсь отъ начальниковъ приставленъ для сохраненія онаго дому и имѣнія, и тѣмъ самымъ сохранялъ отъ грабителей. Сіе продолжалось до самыхъ сумерекъ. Выходилъ оный непріятель къ стучавшимся въ сіе время четыремъ французамъ и не могъ уже ихъ уговорить отъ грабежа; они выгнали и его и дѣлались мнѣ защитниками, при чемъ увѣряли, чтобъ я ничего не опасался, а между тѣмъ спрашивали сахару, пива, водки и бѣлыхъ хлѣбовъ. Но какъ у меня сего не было, да и достать негдѣ, то отъ сего они пришли въ бѣшенство, начали

Гр. О. В. Ростопчинъ.

мнѣ угрожать опасностью и убѣжденіямъ моимъ не могли повѣрить до тѣхъ поръ, пока не обыскали весь домъ и погреба. Ничего не нашедши, нѣсколько успокоились, стали обходиться ласковѣе; потомъ вышли двое куда-то, не знаю, и принесли чугуна готовой живности, велѣли намъ поставить на очагъ. Покамѣсть это готовилось, они между тѣмъ пили принесенные съ собою напитки и, напившись пьяны, потребовали перинъ. Я тотчасъ велѣлъ постлатъ имъ постели; двое изъ нихъ легли, а двое пошли къ сосѣду моему въ домъ искать у него напитковъ. Возвратившись оттуда съ одними вязаными перчатками, сѣли съ нами, и казалось мнѣ, что они старались за мною примѣчать. Я часто выходилъ на дворъ смотрѣть на пламя, пылающее въ рядахъ, и на загорающіяся въ другихъ мѣстахъ зданія. Также и

они, растворивъ окошко, смотрѣли и увѣряли меня, что это не французы жгутъ, а русскіе. Въ сіе время, т.-е. часу въ первомъ ночи, загорѣлся сосѣда моего домъ, смежный съ моимъ. Тогда я, оставя все, домъ свой и имѣніе, въ немъ находящееся, хотѣлъ бѣжать, сказавъ родительницѣ, чтобы и она за мною слѣдовала. Лишь только за ворота вышелъ, какъ они выбѣгли на улицу и, схвативши меня, велѣли опять идти въ домъ мой. Сколько я ихъ ни убѣждалъ, прося у нихъ со слезами увольненія и отпущенія себя, но они сего не сдѣлали. Нечаянно наѣхалъ на насъ объѣздной ихъ офицеръ, кой, будучи тронутъ моею просьбою и слезами, велѣлъ меня отпустить. Освободясь отъ нихъ, пустился я бѣжать со всѣми прочими, взявши подъ руку родительницу свою. Въ замѣшательствѣ и забвеніи не знали сами, куда шли. Приближаясь къ Пречистенскимъ воротамъ, увидѣли бѣгущихъ прямо на насъ двоихъ французовъ съ обнаженными мечами, кои, остановя меня, приставляли къ груди моей обнаженной мечъ и угрожали мнѣ смертью. Родительница, видя сіе мое несчастье, поверглась къ ногамъ сихъ непріятелей, и всѣ вообще, со мною бывшіе, просили ихъ о помилованіи меня. Они жъ, не внимая ихъ прошеніямъ, требовали денегъ. При такихъ опасностяхъ желая сохранить я жизнь свою всѣ ихъ прошенія дерзостныя принужденъ былъ исполнять. Вынималъ имъ денегъ, но не болѣе 50 копеекъ, кои они брося начали болѣе мнѣ угрожать смертью и требовали безотступно отъ меня серебра. Послѣдніе три рубля отдавъ имъ, велѣлъ имъ себя осмотрѣть всего, какъ имъ угодно. По обысканіи, нашли у меня они ножикъ перочинный и, взявши оный, отпустили меня.

По претерпѣннн снхъ ужасовъ, пустились мы бѣжать на Каменный мостъ, стараясь всячески укрываться отъ непріятелей, косогоромъ спускаясь къ лѣснымъ рядамъ; находили препятствія отъ лаянія собакъ, не дававшихъ намъ тихо проходить. Между тѣмъ видѣли мы издали, какъ пламень пожиралъ огромныя зданія, какъ непріатели повсюду учиняли грабежи. Въ отчаяніи и страхѣ прибѣжали на Каменный мостъ и, поднявшись до половины онаго, увидѣли на той сторонѣ темноту страшную, возвратились и пошли по набережной. Прощедъ ее, нѣсколько сошли по сходамъ внизъ къ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ увидѣли караульню и были долго въ нерѣшимости, думая, что въ оной будкѣ находятся французы. Однакожъ тамъ никого не было. Потомъ смотрѣли на огонь, кой пожиралъ строенія, проливали слезы, наполняли воздухъ стенаніями, вздыхали; но все было тщетно. Долгое время мы тамъ сидѣли, не выдавъ никого. Потомъ, обративши взоры вверхъ на набережную, увидѣли одного француза, идущаго за водою. Поравнявшись съ нами, началъ онъ спрашивать, зачѣмъ мы здѣсь. Мы, обливая слезами лицо наше, отвѣчали чрезъ ту же дѣвицу, что мы лишились домовъ и отъ огня ищемъ спасенія у рѣки. Непріатель сей, видя меня дрожащаго отъ холода, далъ мнѣ водки, и я, выпивши нѣсколько, благодарилъ его. По отшествіи его пришли еще четыре француза, не такую ласковость намъ оказавшіе, какъ прежній ихъ товарищъ: они были дерзки и жестокосерды, требовали съ ногъ моихъ сапоговъ, и я, поспѣшно скинувъ, отдалъ имъ и получилъ отъ нихъ худшіе, и еще жесточайшій ударъ, лишившись узелка, въ коемъ, не знаю, что было положено родительницею.

Послѣ сей встрѣчи мы рѣшились идти дальше по набережной къ мосту Москворѣцкому, думая, гдѣ ихъ много, тамъ ихъ и начальники есть, кои не допустятъ больше насъ грабить, въ чемъ и не ошиблись. Пришедши къ мосту, увидѣли нашихъ русскихъ, сидящихъ на бревнахъ, и говорили имъ, почему они здѣсь сидятъ. На сей вопросъ они намъ отвѣтствовали, что намъ непріатели не даютъ пропуску чрезъ мостъ на ту сторону, упомянувъ притомъ и то, что у мосту французовъ великое множество. Рѣшились и мы съ ними сѣсть. Французы, видя насъ, подходили и спрашивали насъ о нашихъ состояніяхъ и о родѣ. Увидя несчастное наше состояніе, пришли въ жалость и отвели насъ на свою квартиру, въ коей была цырульня, и предлагали намъ, чтобъ мы шли въ верхній этажъ онаго дома. Но я, опасаясь, не пошелъ вверхъ, но началъ просить, чтобъ оставили насъ здѣсь внизу: мы и симъ довольны будемъ. Засвѣтивши свѣчу, съ нами разговаривали и ободряли насъ, чтобъ мы ничего не опасались. Не болѣе посидѣли мы, какъ часа два; началось разсвѣтать. При наступленіи дня сошли сверху два французъ высокаго роста, собой весьма красивые, кои намъ казались чувствительнѣе всѣхъ и умнѣе, да и самый разговоръ ихъ показывалъ, что они сожалѣли о насъ; притомъ дали намъ нѣсколько мяса, хлѣба и сахару.

Вотъ уже наступилъ и день 4 числа. Непріатели начали для себя готовить кушанье; изготова, поѣли и намъ дѣлили по нѣскольку. Потомъ уходили, говоря намъ, чтобъ мы дому сего не оставляли. Находясь мы въ семъ домѣ видѣли, что все приходили разные французы, пекли, варили для себя и опять отправлялись, а куда—намъ совсѣмъ было неизвѣстно. Улицею же была ѣзда непрерывная въ два ряда, по одной сторонѣ мостовой въ гору, а по другой внизъ, т.-е. на мостъ.

Сіе продолжалось отъ утра до самой ночи. А пожаръ былъ такъ силенъ, что, куда ни помотришь, вездѣ объято было пламенемъ; огонь пожиралъ зданія и производилъ сильный вѣтръ. Вьющіяся надъ зданіями клубы огненные представляли взору нашему ужасное и страшное зрѣлище; наши же несчастные русскіе ходили взадъ и впередъ, не находя себѣ мѣста къ выходу; лишенные почти всѣхъ силъ, падали отъ сего ужаснаго зрѣлища. Я, обращая взоръ свой на все сіе, не въ силахъ описывать; находясь въ замѣшательствѣ, говорилъ только въ сердцѣ своемъ: «Господи, Боже нашъ! Ты, Владыка, единъ есть намъ защитникъ! Подъ Твоей всесилою десницею и плѣнники, окруженные отовсюду ужасами смерти, могутъ быть спасены и избавлены отъ смерти». Потомъ видѣли, что и у нихъ смятеніе умножалось: говорили съ величайшимъ жаромъ, слѣшили къ выходу какъ будто бы изъ Москвы, вздыхая сильно и взявъ свои ружья, пошли въ гору самымъ скорѣйшимъ образомъ, оставя насъ однихъ въ семъ домѣ. Чрезъ двѣ минуты пришелъ полякъ прямо въ этотъ домъ, гдѣ мы. Онъ почелъ меня хозяиномъ сего дома, да и цырульникомъ, на что я ему отвѣчалъ, что я ни тотъ, ни другой, и что мы оставлены здѣсь французами укрыться отъ огня, бури и холода, и что я лишился дому и имѣнія. Онъ слушалъ слова мои со злобнымъ видомъ и, чувствуя эту отраду, что онъ могъ мстить за прошедшія свои разоренія, отъ россіянъ учиненныя, страдалъ меня и, ударя по уху, требовалъ серебра, вынималъ саблю, показывалъ и показывалъ глупую

свою храбрость надъ обезоруженнымъ. Наконецъ, обличаемый товарищемъ своимъ въ дерзкихъ сихъ поступкахъ, совсѣмъ перемѣнился и сдѣлался даже для меня удивительнымъ: повергшись на колѣни предо мною, приставлялъ къ своимъ губамъ саблю, хотѣлъ цѣловаться. Но я, схватя свою шляпу, ушелъ съ поспѣшностью со всѣми товарищами. Хотя же онъ пустился за мною бѣжать, но офицеръ ихъ его остановилъ. Между тѣмъ какъ я удалился на набережную, вдругъ сей офицеръ догналъ меня и говорилъ мнѣ, что онъ сего унтеръ-офицера накажетъ за его поступки. Унижаясь предъ нимъ, и отъ него старался я удалиться, потому что и у него лицо было показываемо исполненнымъ сладострастья: онъ дѣлалъ изъ себя какъ бы видъ сострадательности, а между тѣмъ дарилъ оной дѣвицѣ штуку канифасу, большой кусокъ сахару и бутылку вина, потомъ предлагалъ идти намъ на свою квартиру. Я просилъ его, чтобы онъ насъ оставилъ. Тронуть будучи и убѣжденъ моими словами, онъ не показалъ никакого насилія, и мы тотчасъ рѣшились идти опять къ набережной, къ Москвѣ же рѣкѣ, гдѣ нашихъ сидящихъ было уже множество.

Лишь только начали мы сходить на сходъ, какъ вдругъ увидѣли посланныхъ отъ онаго офицера двухъ солдатъ, кои насильно стали тащить дѣвицу лѣтъ двѣнадцати. Мать ея громко закричала, и они оставили ее. Потомъ и къ оной дѣвицѣ, со мною бывшей, приступали; я опять ихъ усовѣщевалъ словами и тѣмъ обратилъ всѣ ихъ звѣрства на себя: приступивши ко мнѣ, велѣли снять съ себя капотъ, жилетъ, манишку и платокъ. Покорствуясь власти непріятельской, яко плѣнникъ, снялъ я съ себя все сіе и отдалъ имъ, при чемъ взяли у меня бумажникъ и портретъ аминьатурный, обдѣланный въ золотѣ, оставя меня въ одномъ кафтанѣ, и, ударивъ двумя ударами саблей плашмя, со мной разстались. Послѣ сего случившагося со мною несчастья, сошелъ я внизъ и, сѣдши подлѣ матушки, обернулся ея салопа полами и тѣмъ нѣсколько сохранялся отъ стужи. Спустя нѣсколько времени ходили уже къ намъ непріатели для грабежа артелью. Видя насъ собравшихся великое множество, обирали все, и платки, и шубы. Дошелъ и опять чередъ до меня: обыскали и ничего не нашли; только у родительницы моей обручальное мое кольцо золотое, а у дѣвицы оной денегъ 25 руб. и черный платокъ на головѣ. Все сіе взяли и пошли.

Ночь сія для насъ была самая жестокая; поминутно приходили, собирали насъ, и все разные непріатели. Приходили еще нѣсколько человѣкъ и звали меня съ женщинами моими для того, чтобъ имъ растворить хлѣбы. Хотя несчастныя женщины отговаривались отъ сихъ трудовъ, однакожъ послушали меня. Пришедши къ нимъ, увидѣли мы, что вся ихъ комната застлана была перинами. Хотя сіе мнѣ казалось подозрѣніемъ насчетъ дѣвицы, однакожъ рѣшился остаться и дожидаться, что будетъ отъ нихъ. Дали намъ ѣсть. Я не знаю, ѣли ли онѣ, а я ничего не могъ ѣсть; и такъ предлагали, чтобъ онѣ принялись за квашни, но женщины мои всячески старались отговариваться пожаромъ, потому что и сей домъ началъ загораться. Видя они женщинъ упорство отпустили, и мы опять на то же мѣсто пришли и усадились попрежнему. Часа черезъ два другіе пришли грабить, но мы были такъ ужъ бѣдны, что нечего уже

болѣе у насъ братъ. При семъ несчастномъ состояніи снимали они съ меня и съ прочихъ даже и рубашки. По отходѣ ихъ я принужденъ былъ надѣть женскую рубашку работницы моей. Потомъ видѣлъ на той сторонѣ Москвы-рѣки мальчика въ одной рубашкѣ, не болѣе 6 лѣтъ. Ходя онъ около огня одинъ громко кричалъ: «Прогнѣвался Господь на насъ», повторяя безпрестанно напѣвомъ плачевнымъ. Я, показывая своимъ сего мальчика, обливалъ лицо свое горестными слезами, стоналъ, мучился, держа въ мысляхъ своихъ слова сіи: «Господи! Ты встрѣчаемъ былъ младенцами, поющими: «Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!»; сей же, напротивъ, отрокъ, вмѣсто сей радости, оглашаетъ воздухъ горестными слезами и укоряетъ насъ во грѣхахъ нашихъ». При семъ случаѣ пришли къ намъ еще французы и велѣли за собою слѣдовать. Пришедши въ Зарядье, загнали насъ, какъ овецъ, на дворъ и заперли за нами ворота. Здѣсь мы, видя прेमного предлинныхъ скамей, думали, что съ нами хотѣли дѣлать. Я мыслилъ, не хотятъ ли насъ заставить крошить хлѣбъ для сухарей, а другіе, что насъ для того въ семъ мѣстѣ заперли, чтобъ мы вмѣстѣ съ симъ домомъ сгорѣли. Но мы все ошиблись. Видѣли, какъ выносили одинъ французъ мѣшокъ, ставилъ у воротъ, потомъ пошелъ за другимъ, и такъ вынесъ ихъ до 30 или больше. Непріятели приказывали намъ взять сіи мѣшки и нести за собой. Мы, взявшись за сіи ноши, любопытствовали и узнали, что это были сухари; несли за ними въ другой домъ, кой былъ въ довольномъ разстояніи отъ сего дому. Пришедшимъ намъ сюда непріятели дали намъ саломаты; я только отвѣдалъ, и еслибы ѣсть хотѣлъ, то и тогда бы не сталъ ѣсть. Потомъ поставили пива самаго дурного и, спустя немного времени, опять велѣли намъ нести сіи ноши изъ этого дома. Мнѣ уже не досталось нести мѣшка, а дали намъ нести что-то въ ведрѣ жидкое. Въ оное время видѣли мы своихъ бродящихъ, ищущихъ мѣста, гдѣ бы укрыться; ходили они точно сонные, не понимающіе одинъ другого. Наполненъ будучи симъ, вдругъ увидѣлъ я несходствующаго лицомъ на прочихъ человѣка, который походилъ на евреянина: волосы у него были темно-русые, нѣсколько завиты, росту средняго, носъ съ горбиною, глазами своими смотрѣлъ на меня удивительно; далъ онъ намъ дорогу, дѣлая знакъ, будто и онъ, какъ и прочіе, опасается. Я же, замѣтя его, шелъ тихо и далъ ему пройти. Потомъ тихо сказалъ своему товарищу, поставилъ ведро подъ тѣмъ предлогомъ, якобы мнѣ непривольно нести, а самъ обратилъ лицо свое назадъ и смотрѣлъ на него, равно и онъ на меня. Когда же отвратилъ лицо, тогда онъ пересталъ смотрѣть и пошелъ прямо. Въ сіе-то время сказалъ я громко: «О Боже! Доколѣ будутъ съ нами встрѣчаться несчатья? Доколѣ будешь Ты наказывать насъ рукою вѣроломнаго непріятеля?» Принесши на дворъ, увидѣли, что мои женщины сидѣли здѣсь у стѣны и слушали худо болтающаго по-русски французскаго какого-то чиновника, кой закрывалъ свои знаки коротенькой шубейкой, чего я и слушать не хотѣлъ. Будучи сжать холодомъ, сѣлъ съ родительницею дальше отъ всѣхъ и закрылъ себя полами ея салопа, и тѣмъ нѣсколько согрѣлся. Спустя немного, опять приказывали намъ нести сухари. Мы брали и выносили оныя мѣшки уже на набережную, гдѣ, поставя, спрашивалъ я ихъ о своихъ женщинахъ, и они мнѣ го-